

симиляции хаттских (т. е. протохеттских), а не хеттских племен, которые сами были индоевропейцами.

На наш взгляд, более вероятно отождествление славянского Перуна, бога-громовержца, с богом грозы Парджаньей (ср. также литовский Перкунас), а не с Варуной, как делает автор. Можно было бы предложить автору пополнить примеры индоарийско-славянских соответствий таким соотношением слов, как Ушас (богиня зари) и слав. утро (ср. также греч. Эос, лат. Аврора), Сварадж (один из эпитетов бога Индры) и славянский Сварог, Вач (богиня речи) и слав. вече, вешать, Вячеслав.

Предположение автора о том, что арийских принцесс выдавали замуж за аристократов из среды чуждых этносов требует более развернутого обоснования (стр. 122). Эндогамные установки такого строго патриархального общества, как арийское, вряд ли могли допускать подобные браки, тем более — с аристократами покоренных племен. Эндогамия нарушалась только в обратном направлении: арьи брали жен из среды аборигенов.

Обычай удушения жертвы у русских язычников, в отличие от других славян, которые жертву резали (стр. 129), возник, возможно, под влиянием тюркского шаманизма (авары?), предписывавшего совершать жертвоприношения «без пролития крови». Это замечание усилит аргументацию автора при отождествлении обычаев принесения жертвы у индоарьев и славян. Для утверждения об изживании арьями «черт матриархальных отношений» (стр. 147) нет точных фактов.

Видимо, следовало бы отметить, что превращение коня в символ бога солнца (стр. 156) произошло через мифологическое переосмысление движения дневного светила как небесной колесницы. Конь стал символом солнца благодаря распространению колеса на спицах, которое было изобретено индоевропейцами вскоре после одомашнивания ими лошади. Жертвоприношение коня у арьев (ашвамедха) перекликается с аналогичным обычаем не только у славян, германцев, римлян (стр. 156), но, пожалуй, ярче всего — с кельтским обрядом «ипоминдвос», сходным и по своему названию.

Сопоставляя названия ведийского ритуального напитка сомы (через иранское «хаома») со словом «хмель» (стр. 164—165), можно развить эту изоглоссу дальше: латинское «хумулюс», тюркское «кумыс». Видимо, пракорень, давший производные сом-хаом-хум-хм-кум означал вначале вообще понятие опьянения. Удачное предположение Н. Р. Гусевой о существовании у арьев временных молелен типа шатра (стр. 200) можно дополнить указанием на общую для всех кочевников закономерность — отсутствие постоянных культовых зданий (стр. 261).

В целом же книга Н. Р. Гусевой — серьезное и многоплановое научное исследование. Автор поставил и решил ряд сложных вопросов. Потребность в такой работе ощущалась давно. Опубликование монографии Н. Р. Гусевой восполнило существенный пробел в советской индологической литературе.

Б. В. Андрианов, И. М. Семашко

W. A. L. S t o k h o f. Preliminary notes on the Alor and Pantar languages (East Indonesia) («Pacific Linguistics», ser. B, № 43). Canberra, 1975, VI+73 p.

История этнолингвистического изучения Юго-Восточной Индонезии содержит целый ряд примечательных примеров тому, как казалось бы очевидные факты или умозаключения с трудом пробивают себе дорогу по той только причине, что источники и работы, их содержащие, либо написаны на малораспространенном языке, либо напечатаны в малодоступных изданиях, либо появились тогда, когда не было условий для их должной оценки. И наоборот, с какой легкостью даже непроверенные утверждения, обнаруженные в изданиях массового характера, получают широкое распространение и «кочуют» из публикации в публикацию.

В 1914 г. в мало читаемом за пределами Голландии журнале Нидерландского географического общества была напечатана анонимная выжимка из военных отчетов о покорении Юго-Восточной Индонезии под названием «Острова Алор и Пантар в резиденции Тимор и подчиненные острова»¹. Языком статьи был, конечно, голландский. В ней наряду с общими сведениями об островах, их населении, племенном составе, хозяйстве, административном делении и т. д. приводился в качестве приложения словник из примерно 300 слов на трех местных языках, названных авторами алорским, куи и колана. Для человека, знакомого с австронезийской лингвистикой, даже беглого взгляда на эти словники было достаточно, чтобы понять, что материалы по куи и колана не содержат австронезийских лексических элементов, в то время как алорский язык несомненно австронезийский, близкородственный языкам расположенных к западу

¹ De eilanden Alor en Pantar, Residentie Timor en onderhoorigheden.— «Tijdschrift van het Koninklijk Nederlandsch Aardrijkskundig Genootschap», d. 31, afd. 1, bl. 70—102.

от Алора островов Солорской группы. Таким образом, эта статья впервые зафиксировала существование неаустронезийских языков в Юго-Восточной Индонезии. Но вывод этот остался незамеченным, и заново материалы военного анонима оказались открытыми только в последние годы.

Однако материалы эти, видимо, все же привлекли внимание голландского лингвиста С. Эссера, известного своими исследованиями в области языков Сулавеси. В 1938 г. он опубликовал языковую карту тогдашней Нидерландской Индии, на которой без всяких комментариев обозначил зону распространения «папуасских» языков во внутренней части Алора². С. Эссер, намеревавшийся, очевидно, подробно обосновать предложенную им классификацию языков Индонезии, погиб в японском плену, и вместе с ним погибли его материалы, так что нам остается только гадать, обладал ли он еще какими-либо сведениями о языках Алора, кроме названной статьи 1914 г. Однако «Атлас тропических Нидерландов», в котором он поместил свою языковую карту, был издан большим тиражом и известен повсеместно. Именно этим, очевидно, и можно объяснить тот факт, что ничем абсолютно не подтвержденная, но, тем не менее, детальная классификация языков Индонезии была подхвачена множеством более поздних картографических и некартографических изданий, так что существование «папуасских» языков на Алоре стало почти общепризнанным, хотя в течение долгого времени почти невозможно было сослаться на какие-либо источники³.

Между тем сами источники, хотя медленно, но все же пополнялись. В 1932 г. появилась этнографическая работа, содержавшая карту племен Алора и отдельные глоссы⁴; известная американская специалистка по этнопсихологии К. Дюбуа в своей книге о населении Алора также привела ряд глоссов, кажется, неаустронезийского происхождения⁵. Но наиболее представительный материал вошел в опять же малодоступное издание диссертации голландской исследовательницы этнографии Восточной Индонезии М. Никольспейер, появившееся в 1940 г., т. е. тогда, когда мир, казалось, в наименьшей степени интересовался тем, есть или нет на Алоре папуасские языки⁶. Тексты в этом издании были напечатаны на горном языке абуй из Центрального Алора. Как и следовало ожидать, работа прошла почти незамеченной и привлекла внимание уже только в 1971 г., когда известный американский лингвист Дж. Гринберг попытался сформулировать свою «индо-тихоокеанскую гипотезу», связывавшую в единую генетическую группу различные неаустронезийские языки, в том числе и язык абуй⁷.

Между тем во время войны было опубликовано еще одно открытие, имеющее непосредственное отношение к нашей теме. Австралийский исследователь А. Капелл, современный патриарх тихоокеанских лингвистов, в широко читаемом журнале «Океания» напечатал материалы о языках восточной и центральной частей Тимора и их неаустронезийском характере⁸. По крайней мере регионально эти языки (бунак, макасаи, фаталуку, оирата, ловаза) оказывались связанными с гипотетическими «папуасскими» языками Алора в одно целое.

Создалось положение, при котором просуществовавшее почти полвека утверждение о неаустронезийском характере языков Алора и близлежащего Пантара потребовало реального подтверждения. Рецензируемая книга и претендует на выполнение такой роли. В. А. Л. Штокхоф входит в группу лингвистов Австралийского национального университета в Канберре, которая под руководством С. Вурма вот уже в течение 20 лет занята исследованием папуасских языков и в настоящее время близка к формулировке окончательной генетической гипотезы.

Автор дважды посетил Алор и Пантар (в августе 1972 г. и августе 1974 г.) с реконсигновочными целями и постарался собрать возможно больший материал по языкам. Результаты этого предварительного исследования в высшей степени интересны. Из 13 языков, обнаруженных им на островах, 12 оказались неаустронезийскими, и только алорский язык (судя по географическому распределению появившийся на островах в сравнительно недавнее время), четко идентифицируется как язык аустронезийский, близкородственный солорскому языку. Лексикостатистически количество генетически родственных пар алорского с остальными местными языками нигде не превышает 7% (по 117-словному списку), что исключает попытку рассмотрения их в качестве членов одной генетической общности.

Из неаустронезийских языков на Пантаре распространены ламма, тева, келон, блар (также на о. Пура) и недебанг; на Алоре — кабола, келон, куи (или кираман),

² S. J. Esser. Atlas van Tropisch Nederland. Amsterdam, 1938, kaart 9b.

³ См., например: М. Я. Берзина, С. И. Брук. Население Индонезии, Малайи и Филиппин (карта). М., 1962; «Атлас народов мира». М., 1964, карта 56; А. А. Бернова. Население Малых Зондских островов. М., 1972, с. 12—16.

⁴ E. Vatter. Ata Kiwan. Unbekannte Bergvölker im Tropischen Holland. Leipzig, 1932.

⁵ C. Du Bois. The people of Alor. Minneapolis, 1944.

⁶ M. M. Nicolspeyer. De sociale structuur van een Aloreese bevolkingsgroep. Rijswijk, 1940.

⁷ J. S. Greenberg. The Indo-Pacific hypothesis.— «Current Trends in Linguistics». The Hague, 1971, v. 8, p. 807—871.

⁸ A. Capell. Peoples and languages of Timor.— «Oceania», vol. 14, № 2, 1943, p. 191—219; vol. 14, № 4, 1944, p. 311—337; vol. 15, № 1, 1944, p. 19—48.

кафоа, абуи, воисика, колана и танглапуи. На алорском говорят в районе административного центра островов и основной гавани, Калабахи, на северо-восточном Алоре, также на крошечных островках между Алором и Пантаром и в нескольких не соединенных между собой точках на самом Пантаре. Все это наводит на мысль, что алорский язык, скорее всего, связан с деятельностью торговых этносов в Юго-Восточной Индонезии⁹. Это дает возможность рассматривать Алор и Пантар в качестве своеобразной модели аустронезийского проникновения в район расселения неаустронезийских народов, постепенного освоения этих территорий и затем — языковой ассимиляции.

В книге приведена предварительная лексикостатистическая классификация алоро-пантарских языков, из которой явствует, что все они (кроме, разумеется, алорского) могут быть объединены в одну семью, если принимать, как это делает автор, 24% в качестве критических для включения в семью (стр. 12—15). Мост между Пантаром и Алором образован языками благар и кабола (максимум 71% соответствий). Вообще генетические связи внутри алоро-пантарской семьи производят впечатление цепочки, в которой наиболее связанными оказываются территориально соседствующие языки, что, впрочем, неудивительно. Особняком стоят, однако, языки Восточного Алора — колана и танглапуи, максимальные проценты когнатов которых с другими достаточно низки: 51% (танглапуи — колана), 58% (колана — воисика) (стр. 15). По степени изолированности от других близок к ним и язык кафоа в горной части Центрального Алора, показывающий максимум схождения в 60% с языками келон и абуи (там же).

Типологический очерк, включающий в себя краткую характеристику личных местоимений и местоименных префиксов, глагольной структуры, притяжательной конструкции и системы счета, призван выделить наиболее существенные неаустронезийские черты на уровне морфологии и тем самым, в соответствии с воззрениями австралийских лингвистов, подкрепить вывод об отнесении языков к той или иной генетической единице.

Для читателя-этнографа, однако, интереснее выводы автора о внешних связях алоро-пантарской языковой семьи. Лексикостатистическое сопоставление с неаустронезийскими языками Тимора подтверждает высказывавшуюся ранее Гринбергом и Вурмом мысль о генетическом единстве тиморо-алорской языковой общности¹⁰. Так, макаси показывает 42% когнатов с колана (и от 30 до 42% со всеми прочими), бунак — максимально 30% с куи (и от 16 до 28% со всеми прочими) (стр. 24). Эти выводы подтверждены наблюдениями над личными местоименными префиксами и типологическим сходством в области системы счета. Менее ясными представляются связи между алоро-пантарской семьей и новогвинейскими языками конда, яхадан, кампунг бару и пураги, распространенными на п-ве Чендравасих. Связь этих языков с тиморскими была предположена еще в 1963 г. Х. Кованом¹¹, однако аргументирована недостаточным количеством доводов. То же, очевидно, можно сказать и о попытке Штокхофа привлечь эти языки для сравнения с алоро-пантарскими. Всего им найдены 10 общих когнатов для алоро-пантарских, тиморских и названных папуасских (со значениями: луна, огонь, живот, птица, есть, зуб, дом, кровь, один, вода) и 2 общих только для алоро-пантарских и папуасских (рот, пить). В ряде случаев, однако, создается впечатление, что когнаты определены по чисто внешним признакам и могут быть серьезно оспариваемы. Очевидно, что только компаративистское исследование алоро-пантарских языков может прояснить характер их связи с папуасскими вообще, хотя само существование этой связи представляется несомненным. Возможно, плодотворным окажется и сопоставление имеющейся лексики алоро-пантарских языков с доаустронезийским пластом в аустронезийских языках Восточной Индонезии. Это позволило бы, в частности, каким-то образом характеризовать субстрат, на котором развивались аустронезийские языки региона.

Можно указать, например, на следующие обнаруженные нами интересные сопоставления:

'вода' *ger* сермата, *gere* моа (на о-вах Лети), *gar* таранган (на о-вах Ару); *er* куи, *yar* келон, *džar* благар, *jir* тева, *il* макасан, ойрата (нельзя, очевидно, полностью исключить возможную связь этих лексем с аустронезийским архетипом *wayeR).

'волосы' * *keru* амбонский язык (различные диалекты), алуне; *karid* келон

'голова' *nap* санана (на островах Сула); *nap* куи

'гора' *kuku* селару (о-ва Танимбар), *kaku* буруанский; *kukka* ламма

'гора' *buku* старобанданский; *buk* келон; *buku* благар, абуи; *buklapang* воисика

'гора' *ndol* куи; *ndolu* собойо ('камень')

'остров' *juka* буруанский; *buki* абуи; *buku* воисика; *ukku* куи

'плод' *kisi* селару; *kix* воисика; *ih* келон; *hi* благар; *yissa* ламма; *uiss* тева; *hici* недебанг; *isu* макаси.

⁹ О концепции торгового этноса см.: М. А. Членов. Население Молуккских островов. М., 1976, с. 109—114.

¹⁰ J. S. Greenberg. Указ. паб.; S. A. Wurm. The Papuan linguistic situation. — «Current Trends in Linguistics». The Hague, 1971, vol. 8, p. 541—657.

¹¹ H. K. J. Cowan. Le Buna de Timor: une langue Ouest-Papoue. — «Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde», d. 119, bl. 387—400, 's-Gravenhage, 1963.

Некоторые сопоставления могут быть проведены и в области культурной лексики: 'свинья' *boi* гессерский, *boi* горомский (Вост. Серам), *boyi* горонтало (Сев. Сула-веси); *bay* ламма, *bei* кун, *be* благар, недебанг, *pe* воисика; *je* кафоа.

'собака' *piap-pat* сети, *paŋaŋ* ламбата, фуфа (Вост. Серам), *pnyo* макнан-далам (или восточномакнанский); *wahgi* воисика

'собака' *kaŋina* гессерский, *aŋina* ватубела, *apula* горонтало; *yabbal* ламма, *jabar* кафоа, *yebar* тева, *burr* недебанг, *bel* кабола.

Наконец, возможно, что определенные параллели можно найти даже среди второй неаустронезийской группы языков Восточной Индонезии, северохальмахерской, с которой, как пока представляется, тиморо-алорские языки никак не связаны. На это могут указывать, в частности, следующие примеры:

'ухо' *hap* тернатанский, *haiw* галела; *paŋa'* воисика, *пайŋal* ламма, *paŋel* благар, *newer* келон

'язык' *aki* тернатанский; *paŋey* воисика.

В любом случае очевидно, что изучение недавно выявленной алоро-пантарской семьи, или, видимо, более точно, алоро-пантарской подсемьи тиморо-алорской семьи языков, только начинается и перспективным может оказаться любой путь ее исследования. Несомненно, впрочем, ее принадлежность к массе папуасских языков, в которой, как утверждает С. Вурм, она соотносится с трансновогвинейской филой¹².

Этнолингвистическая ситуация на Алоре и Пантаре в настоящее время характеризуется постепенным вытеснением местных неаустронезийских языков алорским и, по сведениям В. А. Л. Штокхофа, в еще большей степени индонезийским языком, которым в основном пользуются как языком общественной жизни и как средством общения для потомства этнически-смешанных браков. Широко распространены двуязычие и многоязычие, характеризующиеся знанием нескольких местных языков, алорского и индонезийского (стр. 8). Из статистических данных, приведенных в книге, явствует, что из примерно 125 тыс. чел., населяющих острова Алор и Пантар, примерно 45—50 тыс. чел. говорят на алорском языке, остальные, т. е. примерно 75 тыс. чел., — на алоро-пантарских языках.

Книга снабжена двумя картами, одной языковой и одной административно-политической, списком в 117 слов на 33 идиомах (включая диалекты), практически исчерпывающей библиографией по языкам региона и смежным проблемам (хотя она насчитывает всего 37 наименований) и резюме на индонезийском языке.

¹² С. А. Вурм. Лингвистическая ситуация в новогвинейском регионе. — «Сов. этнография», 1976, № 1, с. 55.

М. А. Членов

В. П. Курылев. Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства (новейшее время). М., 1976, 147 с.

Книга В. П. Курылева продолжает серию публикаций, подготовленных сотрудниками Института этнографии АН СССР по этнографии Турции. Автор поставил перед собой существенную и необходимую задачу — впервые на конкретном этнографическом материале исследовать характер и реальные условия трудовой деятельности сельского населения Турции в новейшее время, изучить его основные занятия, рассмотреть особенности материальной культуры и важные стороны быта турецких крестьян. Тема рецензируемой работы весьма актуальна. Достаточно напомнить, что и в настоящее время около 70% самостоятельного населения Турции занято в сельском хозяйстве. Естественно, что показ картины современного состояния традиционного земледелия, скотоводства, домашних промыслов и ремесел у турок, изучение типов поселений, жилищ, одежды, пищи крестьян представляют большой познавательный и научный интерес.

Основным материалом для написания монографии послужили издания на русском, турецком и западноевропейских языках. Ряд лакун в работе объясняется тем, что В. П. Курылев не имел возможности сам проводить полевые изыскания в Турции (об этом он упоминает во введении), и это поставило его в зависимость от имеющихся письменных данных. Однако отрядным в подобной ситуации является тот факт, что в книге широко использованы труды турецких и западных авторов, живших среди крестьян в той или иной части Турции и создававших свои работы на основе полевых материалов. Помимо этнографической литературы В. П. Курылев привлекает социологические исследования, базирующиеся на индивидуальном опросе информаторов, обработке анкет, сборе точных статистических сведений.

Книга состоит из введения, восьми глав, заключения и приложения. Во введении определены задачи работы, дан критический обзор литературы и источников.

В первой главе автор, проанализировав природно-климатические условия страны, а также структуру размещения сельскохозяйственных культур и районов развитого скотоводства, фиксирует три культурно-хозяйственные зоны и приводит обстоятельное описание их современного состояния. В данном случае было бы целесообразно использовать принятую в советской этнографии терминологию, связанную с учением о хозяйственно-культурных типах.